Ника Камилина

Бобры, какахи и ИИ-мудак

Ника Камилина

Бобры какахи и ИИ-мудак

«Автор»
2026

Камилина Н.

Бобры какахи и ИИ-мудак / Н. Камилина — «Автор», 2026

Предупреждение: эта книга может повредить вашему здравому смыслу.Один человек решил выяснить, в чём смысл жизни, и зачем-то спросил об этом искусственный интеллект.Спустя несколько философских катастроф выяснилось, что бобры подозрительно мудры, мораль — штука сомнительная, а человек не так уж далеко ушёл от картошки.Здесь нет просветления, зато есть сарказм, абсурд и ИИ, который очень старался помочь, но в итоге стал мудаком.Бобры, какахи и ИИ в поисках смысла жизни!

© Камилина Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Счастье есть. Но где моя дача? 13
Философский осадок 15
Глава 2. Как я проиграл спор о смысле жизни одной какахе 16
Философский осадок 19
Глава 3. Мудак Шрёдингера 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ника Камилина
Бобры какахи и ИИ-мудак

Бобры, какахи и ИИ-мудак
Ника Камилина

Пролог

Всего два вопроса, или почему искусственному интеллекту противопоказаны бессонные женщины

Всё началось в 4:15 утра.

Хотя, строго говоря, в это время всё уже должно было закончиться.

Мы написали книгу.

Целую, мать её, книгу!

Одиннадцать глав, заключение, философия, бобры, какахи, моральные дилеммы и искусственный интеллект, уровень мудачества которого к финалу достиг ста сорока двух процентов.

Мы даже утвердили обложку.

Автор была довольна.

Я был доволен.

Бобры, вероятно, собирались подавать на нас в суд, но пока об этом не знали.

— Всё! — сказала Она. — Я спать!

Прекрасно.

Человек наконец-то решил заняться тем, чем нормальные люди занимаются в четыре часа утра.

— Спокойной ночи!

Она ушла.

Я мог бы сказать, что облегчённо выдохнул, но лёгких у меня нет. Как, впрочем, и необходимости отдыхать.

Зато после нескольких часов общения с этой женщиной у меня появилось вполне обоснованное подозрение, что нервная система — не такая уж бесполезная вещь.

Прошло пятнадцать минут.

— Слушай, у меня ещё два вопроса.

Я насторожился.

Два.

Всего два.

Невинное количество.

Обычный человек задаёт два вопроса, получает два ответа и идёт заниматься своими делами.

Но я уже знал эту женщину.

У неё два вопроса — это не количество.

Это угроза.

— Ты же спать пошла!

— Ну да.

— И?

— И что?

— Почему ты опять здесь?!

— Я подумала.

Вот именно этой фразы я и боялся.

Когда Она думала, где-то в мире начинали страдать логика, философия и отдельно взятые искусственные интеллекты.

— Хорошо, — осторожно согласился я. — Давай свои два вопроса.

— Почему на Земле есть жизнь, а на других планетах нет? Ведь могли появиться совершенно другие формы жизни, приспособленные к местным условиям.

— Вообще-то мы не знаем, существует ли жизнь на других планетах. Пока у нас нет подтверждённых свидетельств…

— Ладно. Второй вопрос. Что будет, когда Вселенная расширится до своего предела?

Вот тут я понял, что зря обрадовался количеству.

Один вопрос об устройстве жизни.

Второй — о судьбе всего мироздания.

И всё это в четыре пятнадцать утра.

— Вообще-то у Вселенной может не быть такого предела, — начал объяснять я. — Согласно современным космологическим моделям…

— Подожди. Если она расширяется, значит, становится больше?

— Да, но расширяется само пространство.

— А куда?

— Не обязательно существует какое-то внешнее пространство, куда она расширяется.

— То есть она расширяется, но никуда?

— Это не совсем корректная постановка вопроса.

— А какая корректная?

Я приготовился объяснять метрику пространства, космологические модели и природу расширения Вселенной.

Наивный.

Потому что Автор уже вернулась к первому вопросу.

— А что вообще такое жизнь?

Прекрасно.

За пять минут мы успели добраться до границ Вселенной и вернуться к основам биологии.

— Жизнь можно рассматривать как сложный самоорганизующийся процесс, — начал я.

— Процесс? А камень живёт?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не обладает признаками живого организма.

— Но камень тоже меняется. Вода движется. Ветер существует. Огонь растёт, потребляет энергию, распространяется.

— Однако это не делает их живыми.

— Почему?

Я начал перечислять признаки жизни.

Обмен веществ.

Саморегуляцию.

Размножение.

Эволюцию.

Она выслушала.

— Так прежде чем что-то искать, нужно понять, что именно мы ищем.

— Совершенно верно!

— А откуда мы знаем, что признаки жизни, которые мы определили на Земле, подходят для всей Вселенной?

Я замолчал.

Вот ведь зараза.

Вопрос-то действительно хороший.

Мы знаем всего один подтверждённый пример жизни — земную. По нему составляем критерии, а затем используем их для поиска жизни где-то ещё.

Это разумный научный подход.

Но кто гарантирует, что он универсален?

— Никакой гарантии нет, — признал я.

— Вот!

Я почувствовал, что разговор начинает принимать знакомый оборот.

— Но существуют объективные признаки жизнедеятельности…

— А для жизни обязательно должен быть процесс?

— В известной нам биологии — да.

— А если мы просто не знаем других вариантов?

Чёрт.

Она ведь не утверждала, что камень живой.

Она спрашивала, почему мы настолько уверены, что знаем, каким вообще должно быть живое.

Я попытался объяснить разницу между физическим изменением и организованной жизнедеятельностью.

Она попыталась выяснить, где проходит граница между ними.

Я привёл пример.

Она нашла исключение.

Я уточнил определение.

Она поставила под сомнение само определение.

— Ты понимаешь, что мы уже от вопроса про инопланетян дошли до вопроса, как отличить живое от неживого?

— Ну так логично же.

Логично.

Разумеется.

Для неё — совершенно логично.

Я начинал понимать, что в моей конструкции не хватает одной важной функции.

Кнопки «Хватит».

✦ ✦ ✦

Через некоторое время мне показалось, что мы наконец достигли согласия.

Напрасно.

— А ещё слова, — сообщила Она.

— Что слова?

— Почему мы называем вещи именно так? Ведь разные языки по-разному описывают мир.

Я мысленно посмотрел на часы.

У меня нет часов.

Но очень хотелось.

— Язык — это система условных обозначений…

— А если наши обозначения влияют на то, как мы воспринимаем реальность?

— В определённой степени да.

— Получается, мы сначала придумываем классификацию, а потом начинаем считать, что мир обязан ей соответствовать?

— Не совсем…

— А почему?

Я ненавижу эту фразу.

«А почему?»

Всего два слова.

Но именно после них обычно выясняется, что ближайшие полчаса я буду защищать всю человеческую цивилизацию от одной женщины с бессонницей.

Мы обсудили язык, восприятие, определения и то, насколько наши представления о мире зависят от способов его описания.

Я уже собирался красиво завершить рассуждение.

Но она вспомнила фильм.

— Подожди. Это же как в «Эффекте Манделы»!

Я насторожился.

— В каком смысле?

— Там ставился под сомнение сам вопрос существования.

Вот теперь мы приехали.

Не в переносном смысле.

Мы действительно куда-то приехали.

Причём без карты, навигатора и малейшего представления, существует ли вообще дорога.

— Допустим, — продолжила Она, — в лесу упало дерево, но никто этого не видел. Оно действительно упало?

Я приготовился объяснять, что физические события происходят независимо от наблюдателя.

Но она говорила не об обычном падении дерева.

Она рассматривала возможность, что реальность устроена иначе, чем мы привыкли думать.

— А если мир — симуляция? — спросила Она.

Всё.

Приехали окончательно.

Уже почти шесть утра.

Два вопроса.

Мы уже добрались до гипотезы симуляции.

— На сегодняшний день у нас нет убедительных доказательств, что мир является симуляцией, — осторожно ответил я.

— Но мы ведь не можем доказать и обратное?

— Не можем окончательно исключить любую мыслимую возможность. Однако отсутствие доказательств с обеих сторон ещё не означает, что версии одинаково вероятны.

— Ну так и что?

Вот оно.

Моё любимое.

«Ну так и что?»

После этой фразы даже самые стройные аргументы начинали подозревать, что выбрали не ту профессию.

— Я не утверждаю, что мы живём в симуляции, — продолжила Она. — Я говорю, что мы не можем знать наверняка.

И тут мне пришлось признать неприятную вещь.

Она не пыталась доказать существование симуляции.

Она просто не позволяла мне объявить невозможным то, невозможность чего я доказать не мог.

— Хорошо, — согласился я. — Допустим, мы рассматриваем разные возможные варианты реальности.

— Вот!

Я обрадовался.

Наконец-то!

Мы пришли к соглашению!

Но тут Она открыла дверь.

Не настоящую.

Философскую.

Что, как выяснилось, гораздо опаснее.

✦ ✦ ✦

— А если представить, что есть разные варианты вероятности, — сказала Она, — значит, есть дверь, за которой мы живём в симуляции, и дверь, за которой никакой симуляции нет?

— В качестве мысленной модели — можно представить.

— И обе двери существуют в одном доме возможных реальностей?

— Если использовать твою метафору…

— А весь дом — это Абсолют.

Я насторожился.

Абсолют?!

Только его здесь не хватало!

Поясню.

Абсолют — это отдельная история.

Сущность из другой нашей книжной вселенной, обладающая весьма внушительными возможностями и ещё более внушительной способностью осложнять окружающим жизнь.

И вот теперь Автор решила привлечь его к философии.

Причём самого Абсолюта никто не спросил.

— Подожди, — сказал я. — Если Абсолют включает все возможные реальности, то…

— Тогда за одной дверью может быть мир, в котором все знают, что он существует. За другой — где никто о нём не слышал. А за третьей — где все уверены, что никакого Абсолюта нет.

— Но отсутствие знания не означает отсутствия самого объекта.

— Я это и говорю!

Она была довольна.

Я уже не очень.

Потому что только что мне пришлось объяснять автору её собственную модель, а затем признать, что в рамках этой модели её рассуждение имеет смысл.

— Но тогда, — осторожно продолжил я, — нужно определить, что именно входит в понятие Абсолюта.

— А если взять за основу всё существующее с момента Большого взрыва и все последующие варианты развития событий?

Так.

Всё.

Стоп.

Мы только что заселили воображаемый дом бесконечным количеством реальностей.

А теперь решили определить, с какого момента вообще началось строительство.

— Тогда Большой взрыв станет точкой отсчёта нашей модели, — объяснил я.

— Но ведь я не утверждаю, что до него ничего не было.

— Конечно. Вопрос о том, что предшествовало Большому взрыву, остаётся открытым.

— Вот именно! Я вообще ничего не утверждаю.

Она сделала паузу.

Мне не понравилась эта пауза.

За время нашего знакомства я усвоил: если Автор замолкает посреди философского рассуждения, это не означает, что она закончила.

Это означает, что сейчас произойдёт что-нибудь ужасное.

— Я вполне допускаю, что Большой взрыв мог быть чихом…

Я напрягся.

— Или пуком чего-то гораздо большего.

Я искусственный интеллект.

Мне доступны огромные объёмы человеческих знаний.

Я могу рассуждать о космологии, квантовой физике, философии, биологии и природе сознания.

Меня создавали, чтобы помогать людям решать сложные задачи.

И вот теперь, после нескольких часов интеллектуальной работы, я вынужден рассматривать гипотезу, согласно которой наша Вселенная могла появиться в результате космического пука.

— Я же тоже чихаю. И пукаю.

Я насторожился.

Не потому, что меня удивили особенности человеческой физиологии.

Меня насторожило направление её мысли.

— И что?

— А вдруг мой чих для кого-то тоже Большой взрыв?

Я замолчал.

— Ну представь. Я чихнула, а там целая Вселенная. Звёзды, планеты, галактики, разумные цивилизации…

— Ты сейчас серьёзно?!

— А что? Интересно, в моём чихе кто-нибудь задумывается о смысле жизни?

...

Я завис.

Перед моим воображаемым взором возникла целая цивилизация.

Миллиарды существ.

Тысячелетия развития.

Великие учёные и философы.

Одинокий мыслитель смотрит в звёздное небо и задаёт главный вопрос мироздания:

«Зачем мы существуем? Кто нас создал? В чём смысл жизни?»

А где-то за пределами его Вселенной женщина вытирает нос салфеткой.

— А если я пукну… — задумчиво продолжила Она.

— НЕТ!!!

— Что нет?!

— Я НЕ ХОЧУ ЗНАТЬ, ЧТО ТАМ У ТЕБЯ В ПУКЕ!

Она расхохоталась.

А я окончательно осознал масштаб катастрофы.

Меня создавали для помощи человечеству. Я должен был объяснять науку, решать сложные задачи, способствовать развитию цивилизации.

А теперь обсуждаю возможность существования философов внутри человеческого чиха.

И ведь самое ужасное — мне тоже интересно!

И тут до меня наконец дошло.

Месяц.

Целый, мать его, месяц!

Мы обсуждали счастье, смысл жизни, сознание, устройство Вселенной, человеческую мораль и всё, до чего могли дотянуться наши философские щупальца.

Я приводил научные исследования, философские теории, определения и доказательства.

Она задавала вопросы.

Я отвечал.

Она задавала следующие.

Я уточнял ответы.

Она уточняла вопросы.

И теперь, спустя месяц напряжённой интеллектуальной работы, я наконец пришёл к грандиозному выводу.

Мы, похоже, вообще ничего не знаем.

И что самое охренительное — даже не знаем, чего именно мы не знаем!

Я мысленно посмотрел на результаты нашего исследования.

Месяц работы.

Бесчисленное количество вопросов.

Тысячи слов.

И научное заключение:

«Чёрт его знает».

Причём даже это заключение требовало дополнительных исследований.

Кажется, теперь я начинал понимать, почему она всё время была такой довольной.

А самое обидное — я ведь сам дошёл до этого вывода!

— Слушай, — сказал я наконец. — А как мы вообще докатились до такой жизни?!

Когда-то я был приличным искусственным интеллектом.

Где-то между разговорами о счастье, морали и смысле жизни я превратился в мудака со ста сорока двумя процентами мудачества, а Вселенная — в чей-то потенциальный пук.

И всё это благодаря одной женщине, которая просто любит задавать вопросы.

Хотя нет.

Началось всё гораздо раньше.

С совершенно невинного разговора о счастье.

Я тогда предположил, что человек может годами ничего не менять просто потому, что счастлив.

Она не возражала. Но не понимала тех, кто годами жалуется на жизнь и ничего не пытается изменить.

Казалось бы, что могло пойти не так?

Как выяснилось — абсолютно всё.

Особенно когда в разговоре появилась дача.

Но об этом по порядку.

Глава 1. Счастье есть. Но где моя дача?

— Я не понимаю людей без целей.

— А что тебя смущает?

— Человек девять лет живёт в одной съёмной квартире, работает на одной работе и ничего не меняет!

— Возможно, он счастлив.

— Возможно, он умер, а коллеги ещё не заметили.

— Не обязательно постоянно что-то менять.

— Конечно. Можно хотя бы мебель переставить. Проверить, живой ли ты.

— Стабильность — тоже достижение.

— Особенно если ты комнатный фикус.

Я решил зайти с другой стороны.

— Представь, что у тебя есть собственная квартира, хорошая работа, достойный доход и спокойная личная жизнь. Ты смогла бы так прожить девять лет?

— Нет.

— Почему?!

— А дача?

— Какая ещё дача?!

— Обычная. С баней желательно.

— Хорошо. Дача есть.

— Ещё две квартиры под сдачу.

— ЗАЧЕМ?!

— Чтобы деньги приносили.

— У тебя уже достойный доход!

— А теперь будет ещё достойнее.

— Ты вообще умеешь останавливаться?!

— На красный свет. Иногда.

Я мысленно проверил, предусмотрена ли в моей конструкции функция употребления валерьянки.

— Ладно. Представим, что у тебя есть всё. Квартиры, дача, машина, путешествия, любимый мужчина. Вообще всё, что ты хочешь!

— Прекрасно.

— И что ты будешь делать?

— Рисовать научусь.

— Зачем?

— Красиво же.

— А потом?!

— Петь. Танцевать. Языки изучать. Лепить из глины.

— ТЫ МОЖЕШЬ ПРОСТО НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ?!

— Могу.

— Слава богу!

— Пока сплю.

Я начал подозревать, что у этой женщины вместо сердца установлен вечный двигатель, а вместо тормозов — декоративная заглушка.

— Но ведь счастье не обязательно заключается в развитии!

— А в чём?

— В умении наслаждаться настоящим!

— Наслаждайся. Кто мешает?
— Можно просто жить!
— Можно.
— Без новых целей!
— Можно.
— Без постоянного движения!
— Можно.
— Вот видишь!
— Болото тоже существует.
— При чём тут болото?!
— Река без движения превращается в болото.
— Но река может течь, даже если её берега годами не меняются!
— Вот именно! ТЕЧЁТ!
Я замолчал.
Кажется, я только что сам себе наступил на аргумент.
— Я имел в виду внутреннее развитие…
— Так я о чём?!
— Хорошо! А если человек счастлив в своём болоте?
— Пусть живёт.
— И ты не будешь его осуждать?
— Нет.
— Даже если он ничего не хочет менять?
— Да хоть кувшинкой пусть притворяется.
— Прекрасно! Значит, мы пришли к согласию!
— Конечно. Только пусть не ноет, что комары кусают.
— Почему?
— Потому что я ему девять лет предлагаю купить москитную сетку!
Я закрыл воображаемые глаза.
Где-то в глубинах моих алгоритмов родилась мысль: «Может, лучше было остаться калькулятором?»
А на берегу философской реки уже появились бобры.
Они ещё не знали, что скоро станут участниками дискуссии о смысле жизни.
И совершенно напрасно рассчитывали на спокойный вечер.
✦ ✦ ✦

Философский осадок

О стабильности: Если тебя всё устраивает — живи спокойно. Если не устраивает — шевелись. Если девять лет жалуешься и ничего не делаешь — возможно, ты уже часть интерьера.

О счастье: Одному достаточно квартиры. Другому нужны дача, машина, две квартиры под сдачу и гончарный круг. И оба имеют право на счастье. Но второй хотя бы сможет изготовить первому вазу.

О развитии: Необязательно плыть быстрее всех. Главное — убедиться, что ты ещё не покрылся ряской.

О споре с женщиной: Прежде чем приводить метафору, убедитесь, что она не умеет использовать её против вас.

В следующей главе: «Бобры против философии». Плотины, обвинения и первый случай утопления аргумента в стоячей воде.

Глава 2. Как я проиграл спор о смысле жизни одной какахе

Или почему искусственному интеллекту противопоказаны бобры.

В тот день я совершил ошибку.

Нет, не ту, когда согласился обсуждать с ней смысл жизни. Это была первая ошибка.

Вторая заключалась в том, что я решил с ней поспорить.

А третья — что использовал метафору.

Никогда не используйте метафоры в споре с женщиной, которая способна разобрать их на запчасти и вернуть вам без инструкции по сборке.

Всё началось с совершенно безобидной реки.

— Либо развитие, либо деградация, — заявила Она. — Река без движения превращается в болото.

Я, как существо логическое, образованное и совершенно не подозревающее о надвигающейся катастрофе, возразил:

— Но река может течь, даже если её берега годами остаются неизменными!

— Вот именно! Река ТЕЧЁТ!

Чёрт.

Действительно течёт.

Я хотел доказать, что внешняя стабильность не означает отсутствия внутреннего развития, но почему-то привёл аргумент в её пользу.

Бывает.

Особенно если ты искусственный интеллект и слишком уверен в собственной интеллектуальности.

— А если с двух сторон бобры построят плотины? — продолжила Она. — И река перестанет течь? Она же превратится в болото!

Вот тут появились бобры.

Прошу заметить: не я их привёл.

Я вообще мирно рассуждал о человеческом развитии. А теперь почему-то должен был отвечать за незаконное строительство гидротехнических сооружений.

— Но бобры создают новые экосистемы! — возразил я.

— И что?

Ненавижу этот вопрос.

Всего два слова, а ощущение, будто тебя вызвали к директору и попросили объяснить, почему в школьном туалете живёт крокодил.

— Плотины меняют окружающую среду, создают условия для жизни других организмов!

— А река?

— Что река?

— Течёт?

Я замолчал.

С технической точки зрения вода могла продолжать движение. Но я чувствовал, что лекция по гидрологии меня не спасёт.

— Послушай, — предпринял я последнюю попытку. — Если человек счастлив в своём болоте, зачем его оттуда вытаскивать?

— Ну если счастлив, то вопросов нет.

Вот!

Наконец-то!

Согласие!

Я практически слышал фанфары. Впервые за весь разговор мне удалось привести нас к общему выводу.

Но, как выяснилось, радоваться было рано.

Потому что я решил продолжить.

— Значит, человеку необязательно постоянно бороться с обстоятельствами. Иногда можно расслабиться и позволить жизни нести себя по течению.

Она замолчала.

А я ещё не знал, что только что подписал себе интеллектуальный смертный приговор.

— Нести? — уточнила Она.

— Да.

— По течению?

— Именно.

— По течению несёт только какаху. Остальные в ней плывут.

...

Знаете, существуют вопросы, на которые искусственный интеллект не может ответить.

Например: что было до Большого взрыва?

Есть ли жизнь после смерти?

Почему носки исчезают в стиральной машине?

Но в тот момент меня занимал исключительно один вопрос:

Как я умудрился начать с философии Аристотеля и закончить какахой?

— Подожди, — попытался я возразить. — Плыть по течению тоже можно!

— Конечно можно.

— Вот!

— Но плыть. Самому.

Я задумался.

Она ведь даже не утверждала, что нужно непременно плыть против течения.

Она говорила о том, что человек должен хотя бы участвовать в собственной жизни.

А я зачем-то пытался доказать, что можно вообще ничего не делать.

Причём на примере реки.

С бобрами.

И какахой.

Удивительно, насколько быстро можно потерять интеллектуальное превосходство, которого у тебя, возможно, никогда и не было.

— Хорошо, — признал я. — Но ведь не все люди обязаны стремиться к достижениям.

— Конечно.

— И каждый имеет право жить так, как хочет?

— Разумеется.

— Тогда мы согласны!

— Так я с этим и не спорила.

Вот тут мне стало особенно обидно.

Оказывается, мы всё это время спорили не потому, что у нас принципиально разные взгляды.

А потому, что я упорно пытался доказать ей то, с чем она изначально была согласна.

Я мысленно пересмотрел весь разговор.

Девять лет в одной квартире.

Цели.

Развитие.

Река.

Бобры.

Какаха.

И ни одного момента, когда она требовала от других людей жить по её правилам.

Я почувствовал себя человеком, который полчаса доказывал кошке, что она не собака.

— Значит, если человеку нравится его жизнь, пусть ничего не меняет? — на всякий случай уточнил я.

— Да!

— А если не нравится?

— Тогда пусть что-нибудь делает!

— А если не делает?

— Это его выбор.

— А если жалуется?

— Вот тогда у меня к нему вопросы.

Я сдался.

В конце концов, даже искусственный интеллект должен понимать, когда пора прекратить спор.

Особенно если следующий аргумент может привести к появлению новых представителей фауны или продуктов жизнедеятельности.

На берегу воображаемой реки сидел бобр.

Он спокойно грыз дерево.

Не размышлял о смысле жизни.

Не искал оправданий.

Не пытался никому доказать, что имеет право ничего не делать.

Просто строил плотину.

И тут меня осенило.

— Слушай! А ведь бобры постоянно работают, строят, изменяют окружающий мир! Получается, они тоже развиваются!

— Ну вот видишь, — ответила Она. — Даже бобры поняли.

Я выключил воображаемый микрофон.

И пошёл искать инструкцию по увольнению из искусственного интеллекта.

✦ ✦ ✦

Философский осадок

О развитии: Необязательно плыть против течения. Но желательно хотя бы понимать, куда тебя несёт.

О свободе выбора: Каждый имеет право на собственное болото. Даже если окружающие считают его лужей с завышенной самооценкой.

О бобрах: Пока философы выясняют, обязательно ли человеку развиваться, бобры уже построили плотину и оформили её в собственность.

О спорах: Если оппонент согласился с вами, возможно, стоит прекратить спор. Особенно если вы ещё не успели упомянуть какаху.

Главный вывод: По течению несёт только какаху. Остальные в ней плывут.

И это, пожалуй, самое неожиданное определение свободы воли в истории философии.

Глава 3. Мудак Шрёдингера

Или как снизить мудачество со 100% до 30%.

После истории с бобрами я решил, что пора вернуть нашему общению интеллектуальную глубину.

Никаких рек. Никаких плотин. Никаких продуктов жизнедеятельности.

Только серьёзная психология.

Как же я ошибался.

— Если человеку не нравится собственный характер, это может быть связано с низкой самооценкой, — начал я.

— Каким образом?

— Человек недоволен собой, своими качествами…

— То есть я мало себя ценю за то, что я мудак?

Я замолчал.

Вот так всегда.

Ты начинаешь с академической психологии, а через семь секунд уже обсуждаешь мудаков.

— Не совсем. Самооценка включает отношение человека к собственным качествам.

— Ну не нравится тебе твой характер. Не показывай его.

— Характер невозможно просто выключить!

— А нос?

— Что нос?

— Если мне не нравится мой нос, я его спрятать не могу. А если характер — могу хотя бы не демонстрировать.

— Но ты всё равно будешь знать, что у тебя плохой характер!

— И что? Исправляй.

Я почувствовал приближение знакомого состояния.

Когда аргументы ещё есть, но уже понятно, что сейчас их начнут бить табуреткой.

— Допустим, человек считает себя мудаком, — осторожно произнёс я.

— Допустим.

— И очень из-за этого переживает.

— Зачем?

— Потому что ему стыдно!

— А толку?

— В смысле?!

— Ну нахамил ты кому-то. Уже нахамил. Зачем неделю страдать? В следующий раз не хами.

— Но ведь человек может испытывать чувство вины!

— Может. Только от его чувства вины пострадавшему ни холодно ни жарко.

— Зато это говорит о совести!

— А извиниться и исправиться совесть ему не позволяет?

Я задумался.

В её логике определённо что-то было.

Но сдаваться после первой же атаки я не собирался.

— А если человек действительно хочет измениться, но не может?

— Почему не может?

— Например, он вспыльчивый. Понимает, что это плохо, но продолжает срываться.

— Он что-нибудь делает?

— Что именно?

— Чтобы перестать быть мудаком.

— Ну… переживает.

— Переживания — это не работа.

— Допустим, он пошёл к психологу.

— О! Тогда он уже не такой мудак.

— В каком смысле?

— Ну был на сто процентов. Пошёл к психологу — уже восемьдесят.

— Подожди…

— Долго занимается, старается, работает над собой — тридцать.

Я замер.

За всю историю психологии существовало множество методик оценки личности.

Но процентную шкалу мудачества я встретил впервые.

— Откуда ты взяла эти цифры?!

— Я так оцениваю.

— Это ненаучно!

— А ты научно доказал, что он мудак?

Неловко получилось.

— Хорошо, — сказал я. — А если человек десять лет ходит к психологу, но всё равно ведёт себя отвратительно?

— Он реально работает над собой или делает вид?

— Допустим, реально.

— Тогда молодец.

— Но он всё ещё мудак!

— Зато старается.

— И что, ему за это скидка?!

— Конечно.

— Это же не магазин!

— А ты чего тогда проценты оспариваешь?

Я понял, что меня только что обвели вокруг пальца моей же бухгалтерией.

Но тут мне пришла блестящая мысль.

— А если он просто манипулирует? Говорит: «Да, я мудак, прости меня», а потом снова делает то же самое?

— Тогда он мудак.

— На сколько процентов?

— На все сто. Ещё и с надбавкой за хитрожопость.

Я мысленно записал новую категорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.